

Л.А. Инютина

Новосибирский государственный университет

**Лексическая репрезентация семантического поля пространства
в сибирских фольклорных текстах XVII – XVIII веков**

Статья первая

Аннотация: Работа посвящена изучению истории формирования лексико-семантической системы русского языка в Западной Сибири. Рассматриваются особенности лексической репрезентации семантических парадигм, формирующих ядро и периферийные сферы семантического поля пространства, реконструируемого на материале региональных фольклорных текстов XVII – XVIII вв.

The paper is dedicated to studying the history of forming the lexico-semantic system of the Russian language in West Siberia. The special features of the lexical representation of semantic paradigms forming the nuclear and peripheral spheres of semantic field of space reconstructed on the base of regional folklore texts of the XVII–XVIII centuries are examined.

Ключевые слова: история русского языка в Сибири, фольклор, семантическое поле, семантическая парадигма.

History of the Russian language in Siberia; folklore; semantic field; semantic paradigm.

УДК: 811.161.1.

Контактная информация: Новосибирск, ул. Пирогова, 2. НГУ, гуманитарный факультет. Тел. : (383) 3300862. E-mail: ljudina@yandex.ru.

*О ядре семантического поля пространства и его лексическом выражении
в текстах Сборника Кириши Данилова*

Комплексность подхода к изучению русского языка в Сибири, полагает Л.Г. Панин [Панин, 2006, с. 133], может быть реализована, если исследования будут, во-первых, вестись в двух аспектах: синхронном и историческом, во-вторых, учитывать «национальные культурно-языковые «проявления», под которыми имеется в виду совокупность жанровых и диалектных образований русского языка на всей сибирской территории. При этом в русистике отмечается недостаточная изученность особенностей русского языка в Сибири в начальные периоды освоения края [Черных, 1956, с. 213, 223; Панин, 2006, с. 134; Палагина, 2007, с. 163].

Одной из таких особенностей, требующих изучения, является одновременность и взаимосвязь процессов формирования сибирских народных говоров и литературного варианта русского языка в Сибири («с учетом и письменных и устных языковых форм»). Очевидно, что за устной формой «культурно-языкового проявления» стоит в том числе традиция устного народного творчества. Понимание пространства и особенности его выражения в семантике лексических единиц (ЛЕ) русского языка Западной Сибири в период XVII – XVIII веков должны быть рассмотрены на региональном фольклорном материале, относящемся к этой поре.

Постановка задачи исследования предварительно требует ответа на вопросы о возможности использования текстов Сборника Кирши Данилова (КД) в качестве источника для изучения истории русского языка в Западной Сибири, о характере соотношения понятий «язык», «язык фольклора», «диалект».

1. «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым», как известно, стали первым и на долгие годы единственным изданным собранием былин и исторических песен XVII – XVIII веков [Путилов, 1958, с. 514; Пропп, 2001, с. 146]. Публикация этого сборника, впервые в истории русской фольклористики осуществленная А.Ф. Якубовичем в 1802 – 1803 гг., затем выполненная с применением научных эдических принципов К.Ф. Калайдовичем в 1818 г., «позволила сохранить язык подлинника, ... обратила внимание на художественную специфику материалов сборника» [Путилов, 1958, с. 517–518]. Наиболее же полное и научное издание этих подлинных записей – «Сборник Кирши Данилова». Благодаря ему «стало возможным изучение сборника не только фольклористами, но и лингвистами» [Там же, с. 526].

Дальнейшее историко-фольклористическое изучение этих текстов, начатое названными исследователями и продолженное в трудах ученых XIX – XX вв., определило их важное значение для исследования вопросов о судьбах русского эпоса, об областных эпических традициях, об истории отдельных сюжетов, о развитии жанров, в частности, прозаического эпоса и, таким образом, дало мощный толчок русской фольклористике в целом [Там же, с. 525].

Другое направление научных изысканий над текстами КД связано с поисками ответов на вопросы о времени создания и записи произведений, о личности Кирши Данилова, его роли как автора или составителя, о месте создания и записи текстов, их диалектной основе. В результате имеющих двухвековую длительность штудий палеографического, источниковедческого, текстологического, диалектологического характера [Буслаев, 1861; Миллер, 1897–1924; Шеффер, 1901; Ухов, 1956; Путилов, 1958; 1960; Пропп, 1958, 1968, 2001; Горелов, 1995; Колотова, 2006 и др.] в науке сложилось и утвердилось достаточно согласное мнение о том, что: 1) рукопись сборника, открытая и сохраненная Прокофием Акинфиевичем Демидовым, по палеографическим данным написана в 80-х гг. XVIII в., но ряд песен был известен в 60-е гг.; 2) Кирша Данилов, вероятнее всего, реальная историческая личность, является талантливым и компетентным для своего времени собирателем и фиксатором текстов русского фольклора; 3) сборник несет на себе ясную печать сибирского происхождения и был создан в одном из юго-западных районов Сибири, примыкающих к Приуралью. Кроме того, тексты КД, в частности, тексты исторических песен, отражающие эпизоды завоевания и освоения Сибири, рассматриваются фольклористами как созданные именно в эту эпоху и, следовательно, отражающие язык XVII – XVIII вв. [Путилов, 1956, 1958; Пропп, 1958, 1976; Горелов, 1961].

2. Для успешных лингвистических исследований на материале произведений фольклора методологически важна проблема соотношения языка устного народного творчества и языка народа.

Вряд ли можно согласиться с категоричностью утверждения П.Г. Богатырева о том, что «в основе языка фольклора лежит диалект. Язык фольклора – это диалект в его эстетической функции» [Богатырев, 1973, с. 106]. Но оно допустимо как обозначающее постановку проблемы использования фольклорного материала в качестве объекта лингвистического изучения. Более точной и универсальной (речь идет о проблеме происхождения языка и фольклора) представляется высказанная В.Я. Проппом мысль: «Генетически фольклор должен быть сближаем не с литературой, а с языком, который также никем не выдуман, не имеет ни автора, ни авторов. Он возникает совершенно закономерно и независимо от воли людей, везде там, где для этого в историческом развитии народов создаются соответствующие условия» [Пропп, 1976, с. 21–22].

Современные подходы к изучению фольклора, заложенные в трудах [Скафтымов, 1924; Соколов, 1941; Андрейчин, 1950; Ухов, 1957; Пропп, 1958; 1968; Литвин, 1961; Лихачев, 1962; Шипош, 1962 и др.], сказались во второй половине XX в. обращением к его языку как самостоятельному объекту лингвистического исследования: фольклор сам оказывается «драгоценным источником» [Пропп, 1976, с. 30]. Разработка лингвофольклористики связана с традиционными (Москва и Санкт-Петербург) и относительно молодыми научными школами (воронежская, курская, томская и некоторые другие) [Аникин, 1980; Киселева, 1988; Хроленко, 1992; Толстой, 1995; Горелов, 1995; Тубалова, 2000; Эмер, 2000; Артеменко, 2004; Черванева, 2004; Горбачева, 2008 и др.].

Решение дискуссионной проблемы статуса языка фольклора, предложенное томской научной школой, состоит в том, что язык фольклора, безусловно, имеющий региональный характер, выводится за пределы функциональных стилей диалекта и признается самостоятельной подсистемой национального языка (аналогично подсистеме языка художественной литературы) [Киселева, 1988]. Он рассматривается как источник, питающий «народно-поэтический стиль диалекта», под которым понимаются «вкрапления элементов языка фольклора в живую диалектную речь» [Мартынова, 1991, с. 73]. Такое понимание вопроса о связи языка фольклора и диалекта представляется нам более диалектичным (нежели позиция П.Г. Богатырева) и адекватным современному лингвистическому знанию.

В поисках решения названной проблемы для нашего исследования важным является то, что тексты КД, записанные в Юго-Западной Сибири во второй половине XVIII в., отражают региональный вариант русского языка этого периода. Они используются в качестве источника диахронического изучения одной из подсистем русского языка Западной Сибири XVII – XVIII вв. («культурно-языкового “проявления” русского языка – по Л.Г. Панину, «народно-поэтического стиля» – по С.Э. Мартыновой).

Материал – ЛЕ, которые обозначают место, перемещение, вместилище, объекты, занимающие определенное место или имеющие протяженность¹, – отбирался методом сплошной выборки из песен, посвященных историческим событиям освоения Сибири («Поход селенгинским казакам», «Ермак взял Сибирь», «Во сибирской во украине, во даурской стороне» и др.). Выборка составляет около 760 ЛЕ-употреблений.

Контекстный анализ и выяснение значений ЛЕ дает основание для классификации их по трем семантическим сферам, которые примерно равны с точки зрения количественной представленности. См. Таблицу 1.

Таблица 1

Сферы семантического поля пространства в КД	Кол-во употреблений	% от всего кол-ва употреблений
I «Перемещение в пространстве»	254	33,4 %
II «Русь, Московское царство»	242	32 %
III «Физическое пространство, простор»	261	34,5 %

Для истории открытия Сибири и последующего продвижения по ней русских людей идея пути, похода, завоевания естественна и реальна, а отражение ее в единицах русского языка в Сибири XVII – XVIII вв. закономерно. Совершенно закономерно и выражение в произведениях фольклора этой поры и этой же террито-

¹ Лейбницевское понимание пространства. См.: [Кубрякова, 2000, с. 85–90; Яковлева, 1994, с. 19, 31, 64].

рии (в его сюжетно-стилистических, содержательных, языковых особенностях) этой же идеи и этого же понимания пространства.

Тексты «сибирских» исторических песен в КД содержат описание пути героя (героев) и рассказ о событиях, которые с ними происходят. Такая сюжетно-художественная особенность данных произведений коррелирует с традиционным для прозаического фольклора представлением о пространстве, характеризующемся «чрезвычайной динамикой действия» и создаваемым перемещениями героя [Пропп, 1976, с. 90, 92]. Лексическая экспликация «эмпирического пространства», как его называет В.Я. Пропп, осуществляется в текстах исследуемых песен ЛЕ разных грамматических классов и разной структуры: именами, глаголами, наречиями, терминологическими словосочетаниями.

Ниже перечислены ЛЕ, имеющие количество употреблений (уп.) в анализируемых текстах КД больше 10. Они, во-первых, определяются в качестве ключевых слов семантического поля пространства в этих текстах, во-вторых, подтверждают правильность выделения трех семантических сфер, в-третьих, помогают выявить ключевые слова ядра этого поля. См. Таблицу 2.

Таблица 2

ЛФЕ	Семант. сфера	Кол-во	ЛФЕ	Семант. сфера	Кол-во	ЛФЕ	Семант. сфера	Кол-во
Река	I	33	Русь	II	10	Сторона	III	12
Пойти	I	19	Москва (город)	II	13	Быть	III	12
Море	I	14	Московский	II	10	Остров	III	11
Идти	I	12	Царство	II	10	Тут	III	10
Гулять	I	10	Всего:		43	Всего:		45
Всего:		88						

Приведенные в Таблице 2 данные свидетельствуют о значительном (почти в два раза) преобладании ключевых ЛЕ первой семантической сферы над такими же ЛЕ второй и третьей семантических сфер. Это дает основание полагать, что ядро семантического поля пространства в вышеперечисленных «сибирских» текстах КД сформировано понятиями именно этой, первой, семантической сферы и может быть сформулировано как «путь».

Лексической репрезентацией этого понятия являются слова *путь, поход, похождение, дорога*, отношения между которыми характеризуются как синонимические (*путь, дорога*) и квазисинонимические (*путь, поход, похождение*).

Слово *путь* (5 уп.) употреблено в значении «дорога (полоса земли) и направление (гл. обр., но не исключительно на суше), по которому кто-л. движется» [Черных, II, с. 85]: ... *мяденски юрты приплыли тутъ оне княска полонили/ неболиева дабы показаль имъ пут по тоболь рекъ*¹... [КД, л. 22 об., с. 344²]; ...*та*

¹ Тексты, в отличие от используемого источника, даются с заменой буквы «ять» знаком Ъ, букв «и десятеричная» и «ук» – соответственно буквами И, У, букв греческого алфавита – русскими.

² При цитировании сначала указывается лист рукописи, затем – страница указанного в списке литературы издания Сборника Кириши Данилова.

зима проходит весна настает где ермаку/ путя искать путя ему искать по се-ребренной/ реке... [КД, л. 22, с. 344].

Слово *дорога* (2 уп.) в наших текстах обозначает 'полосу земли, место для прохода, проезда' [Сл. РЯ XI–XVII вв., 4, с. 323]; 'путь', 'проезд' [Черных, I, с. 263]: *...народъ православнои не убеитесь / дайте дорогу мне широкую...* [КД, л. 75 об., с. 447]; *...а прямые дороги не сказываеть...* [КД, л. 94 об., с. 495].

Слова *поход* (5 уп.), *похождение* (1 уп.) (*похождение* в Сл. РЯ XI – XVII вв.) и *переход* (1 уп.) достаточно позднего образования в русском языке. [Срезневский, III, с. 1379–1382] отмечает: *ходити, хожу* зафиксировано с XI в., *ходъ* – с XIV в. В исследуемых текстах лексемы *поход* и *похождение* обозначают 1) 'передвижение, переход'; 2) 'выступление на войну; война, вооружённый поход' [Сл. РЯ XI – XVII вв., 18, с. 54, 57]: *...в восточную / сторону походомъ пошли оне вырубили чють / белоглазую и ту сорочину долгополую...* [КД, л. 62 об., с. 417]; *Походъ селенгинскимъ казакамъ.* [КД, л. 68 об., с. 429]; *...втапоры ермакъ пред грозным / царемъ на колени палъ и писменное известие обо всемъ / своемъ походе подавалъ...* [КД, л. 23, с. 346]. Словом *переход* названо 'расстояние, которое можно пройти': *...на волге жить ворами слыть на яикъ / итьти перехотъ великъ в Казань ийти грозень царь / стоить...* [КД, л. 22, с. 343].

Таким образом, пространство в исследуемых фольклорных текстах – это то, что определяется движением, возможностью перемещения в нем (*поход, похождение, переход*), что характеризуется наличием *пути, дороги*; то, в чём можно перемещаться, и то, куда можно перемещаться. Происхождение слова *путь*, его этимологическое значение выражает этот смысл: др.-рус. (с XI в.) *путь* – 'дорога', 'проход', 'путешествие' [Срезневский, II, с. 1735–1739] < о.-с. *pontъ (< *pontis). И.-е корень *pent-(*pont-): pont(h)a-: *pnt(h)- – 'ступать', 'идти', 'дорога' [Черных, II, с. 85]. Происхождение слова *дорога* также связано с обозначением активного действия человека: др.-рус. (с XII в.) *дорога* – 'путь', 'проезд', 'путешествие'; с.-сл. драга – 'дорога', 'долина' [Срезневский, I, с. 707] < о.-с. *dorga. В этимологическом отношении слово не вполне ясное. Связывают с о.-с. *dǫrgati – 'дергать', 'тащить к себе рывками', 'рвать', выдвигая то заслуживающее внимания соображение, что *дорогой* первоначально мог быть назван волок или лесная тропа, проход, выкорчеванный в лесу [Черных, I, с. 263].

Быстрое перемещение эпических персонажей анализируемых песен осуществляется по рекам и морям, как в реальной жизни происходило освоение российского Севера, а затем Сибири. А лексемы *река* (33 уп.), *море* (14 уп.) обозначают основные пути, своего рода «магистрали» Московской Руси, по которым происходило передвижение. Данные ЛЕ являются ключевыми словами ядра реконструируемого нами семантического поля пространства в текстах КД.

Проанализируем денотативное и структурное значение¹ этих двух лексем. Слово *река* обозначает в анализируемых текстах исторических песен географический объект, то есть 'массу воды, постоянно текущей в естественных условиях по определенному руслу в определенном направлении' [Черных, II, с. 108; Срезневский, III, с. 221, 226]. Происхождение слова: о.-с. *reka < и.-е. *roika. Родственные слова на русской почве: реять, рой, ринуться. И.-е. корень *er: *or: *r – 'приходить в движение', 'устремляться' [Черных, II, с. 108; Фасмер, III, с. 464].

Этот объект в исторических песнях КД назван предельно конкретно с точки зрения географии страны и особенностей рельефа местности, кроме того, он практически всегда поименован, то есть назван индивидуально (детерминативные, преимущественно атрибутивные синтагмы): *Во сибирской во украине / во даурской стороне // а на славной на амуре реке / на усье комары реке / казаки царя Белова / оне острогъ поставили.* [КД, л. 73, с. 443]; *...и нашли оне пещеру каменну на тои чусовой рекъ...* [КД, л. 22, с. 344] и др. Традиционные в языке фольклора

¹ См. [Новиков, 1982; Стернин, 1988; Апресян, 2001].

эпитеты к слову *река*, являясь средством выразительности, вместе с тем определяют особенности той или иной реки по-разному: *быстрой* и *большой* названа река Енисей, *славной* – Волга и Амур, *маткой*, *матушкой* – только Волга и Москва-река: ... *бросила ево в тое / енисею быстру реку* [КД, с. 346, л. 23 об.]; *на ермака тимофьева напуцалися на той / большой енисье реке...* [КД, л. 23 об., с. 346]; ...*караулы крепкия отхожия сверху матки / волги реки и снизу таковыя жь стоять* [КД, л. 21, с. 341]; ...*ведите царевича со царскова двора / за те ворота москворецкия за славную мату/шку за Москву реку...* [КД, л. 75, с. 447].

Характерной особенностью употребления слова *река* в рассматриваемых текстах является сочетаемость его с глаголами, обозначающими действия и перемещения героя или героев в соответствии с сюжетом произведения (объективные синтагмы): *река Волга* и глаголы *пойти*, *ставить*, *сходиться*, *биться*, *стоять* (*на реке*); *река Амур* – и глаголы *поставить* (*острог*, *крепость*), *собрать* (*ясак*), *бежать*, *бывать*. Например, в песне «Ермак взял Сибирь» названия многочисленных западносибирских рек сочетаются в контекстах с обозначением действий: *поплыть*, *приплыть*, *выплыть*, *пойти*, *дойти*, *показать* (*путь*), *искать* (*путь*), *тащить*, *зимовать*, *жить* и др.: ...*по серебрянной (реке) пошли до жаравля дошли/ оставили оне тут лотки коломенки на тои бара/нческой перевозке одну тащили да надселилися/...* [КД, л. 22, с. 344]; ... *и поплыли по тагиль рекЪ а и выплыли на туру реку/ и поплыли по тои туре реке въ епанчу реку и тутъ/ оне жили до петрова дни.* [КД, л. 22 об., с. 344]; ...*пришоль / атаманъ ермакъ тимофьевичъ со своею дружиною / тою лукою соуксанскую дошелъ усяя сибирки/ реки...* [КД, л. 22 об., с. 345].

Названные особенности синтактики лексемы *река* согласуются с ее парадигматическими характеристиками в рассматриваемых фольклорных текстах. Имеется в виду, что, помимо лексических парадигм *река – озеро – ручей*; *река – берег*; *река – течь – стремиться*, слово *река* связано парадигматическими отношениями с лексемой *путь* (*путь – река: ...где ермаку/ путя искать путя ему искать по серебрянной/ реке...; ...и какъ/ имъ путь надлежалъ совсемъ в коломенки убиралися/ и поплыли по тагиль рекЪ...* [КД, л. 22, 22 об., с. 344]), а также с перечисленными выше глагольными ЛЕ, обозначающими перемещение, движение (*река – идти – плыть*).

Таким образом, лексема *река* обозначает не просто природный водный объект как таковой (...*то старина то и деянье какъ бы синему / морю на утишенье а быстрымъ рекамъ слава / до моря какъ бы добрымъ людямъ на послушанье / молодымъ молодцамъ на перениманье...* [КД, л. 63 об., с. 418]), а называет реально существующие реки России ('постоянно текущие...') как место действия и как основной путь перемещения героя (героев) исторических песен ('по чему перемещаются, передвигаются'). Именно в таком денотативном и структурном значении слово отмечено во всех анализируемых текстах.

Слово *море* – 'часть океана – большое водное пространство с горько-солёной водой' [Черных, I, с. 543]; 'большой водоём с солёной или пресной водой, море, озеро' [Сл. РЯ XI – XVII вв., вып. 9, с. 262–264] (в говорах также 'озеро' [Даль, II, с. 941]) зафиксировано в др.-рус. (XI в.), в ст.-сл. [Срезневский, II, с. 174, 176]. Этимология слова: о.-с. *morje, основа *morjo-. И.-е. основа mor-i – 'море' [Черных, I, с. 543]. В анализируемых текстах слово *море* употреблено в указанном значении. Структурное значение реализуется в типовой сочетаемости слова с традиционными в фольклоре эпитетами (детерминативные атрибутивные синтагмы) *синий*, *славный* (*море*): ... *то старина то и деянье какъ бы синему / морю на утишенье...* [КД, л. 63 об., с. 418] и др. Отмечено сочетание лексемы *море* (ср. *река*) с именами конкретных географических объектов: ... *не ты/я та камы коя в волгу пала, тоя ты камы за си/немъ моремъ, своимъ устьемъ впала в сине море...* [КД, л. 5 об., с. 302]; *А за славнымъ было батюшкомъ за боикаломъ / моремъ, а и вверхъ было по матке селенге / по реке...* [КД, л. 68 об., с. 429].

Отметим у лексемы *море*, как и у слова *река*, сочетаемость в текстах КД с глаголами (объективные синтагмы) *быть, бывать, смотреть, глядеть, видеть* и под., обозначающими существование и зрительное восприятие: *...А за славнымъ было батюшкомъ за боикаломъ / моремъ, а и вверхъ было по матке селенге/ по реке...* [КД, л. 20 об., с. 340]. Особенно много примеров с сочетанием слова *море* с глаголами, обозначающими передвижение, перемещение героев (*бежать, гулять, плыть, лететь, возить, метаться* и под.): *...а бегуть тутъ по морю славны гости / турецкия со товары заморскими...* [КД, л. 21, с. 341]; *...а не ярья гоголи на сине море выплыли выгребали тутъ / казаки среди моря синева...* [КД, л. 20 об., с. 340]; *...гуляли мы / казаки по морю синему и стояли на протоке на ахтубе...* [КД, л. 23 об., с. 346] и др.

Парадигматика слова *море* сходна в исследуемых текстах КД с парадигматикой лексемы *река*: помимо лексических парадигм *море – озеро, море – заморский*, реализованы парадигмы *путь – море, море – бежать – плыть – гулять*. Лексемы *река* и *море* являются видовыми обозначениями в родовидовой парадигме с лексемой *путь*.

Итак, лексемы *путь* (5), *дорога* (2), *поход* (5), *похождение* (1), *переход* (1), *река* (33), *море* (14) являются репрезентантами семем, формирующих семантическую парадигму (СП) 'Пространство – путь'. Это ядерная СП семантического поля пространства в исследуемых текстах КД.

Ядро поля: СП 'Пространство – путь': *путь* (5), *дорога* (2), *поход* (5), *похождение* (1), *переход* (1), *река* (33), *море* (14).

I «Перемещение в пространстве». Ближняя периферия:

СП 'Путь – идти, пойти' (перемещение субъектов): *пойти* (19 уп.), *идти* (10 уп.), *бежать* (3 уп.), *выплыть* (4 уп.), ...

СП 'Путь – везти' (перемещение объектов): *вывезти* (2 уп.), *вести* (1 уп.), ...

Дальняя периферия 1:

СП 'Путь – корабль': *корабль* (8 уп.), *струг* (4 уп.), ...

СП 'Путь – конь': *конь* (3 уп.), *конный* (1 уп.), ...

Дальняя периферия 2:

СП 'Путь – драка': *драка* (9 уп.), *полонить* (5 уп.), *покорить* (3 уп.), *бой* (2 уп.), ...

Названные здесь СП первой периферийной сферы семантического поля пространства с перечислением некоторых их (СП) лексических репрезентантов показывают наиболее близкий, как было сказано в начале статьи, «обволакивающий» ядро «слой» значений и еще раз тем самым доказывают точность и объективность определения ядерной СП и ЛЕ, семантика которых формирует эту СП.

Литература

Андрейчин Л. Основни черти в езыка и стила на народната песен // Българско народно творчество. София, 1950.

Аникин В.П. Теория фольклорной традиции и ее значение для исторического исследования былин. М., 1980.

Апресян Ю.Д. Значение и употребление // Вопросы языкознания. 2001. № 4. С. 3–23.

Богатырев П.Г. Язык фольклора // Вопросы языкознания. 1973. № 5. С. 106–116.

Буслаев Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т. 1.

Горбачева О.Г. Ономастическое пространство русских народных и авторских сказок: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Орел, 2008.

Горелов А.А. Исторические песни о Ермаке – поэтический пролог и спутник первой крестьянской войны в России // Русская литература. 1961. № 1. С. 141–159.

- Горелов А.А. Кирша Данилов – реальное историческое лицо // Русский фольклор. СПб., 1995. Т. 28. С. 97–110.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1989–1991.
- Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / Отв. ред. Д.С. Лихачев. М.; Л., 1958. (КД)
- Киселева О.И. Язык фольклора как источник диалектной лексикографии: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 1988.
- Колотова Н.И. Своеобразие собрания былин Кирши Данилова и проблемы его изучения // Фольклор в контексте современной культуры: Юдинские чтения – 2005. Курск, 2006. С. 97–100.
- Кубрякова Е.С. О понятиях места, предмета и пространства // Логический анализ языка: Языки пространств. М., 2000. С. 84–92.
- Литвин Э.С. Русская историческая песня XIX века // Русский фольклор: Материалы и исследования. М.; Л., 1961. Т. VI.
- Лихачев Д.С. Время в произведениях русского фольклора // Русская литература. 1962. № 4. С. 32–47.
- Мартынова С.Э. Народно-поэтический стиль народной речи как стиль функционально-коммуникативный // Координац. совещ. по проблемам изучения сибирских говоров кафедр русского языка вузов Сибири, Урала и Дальнего Востока. Красноярск, 1991. С. 73–75.
- Миллер В.Ф. Очерки русской народной словесности. М., 1897. Т. 1; 1910. Т. 2; 1924. Т. 3.
- Новиков Л.А. Семантика русского языка. М., 1982.
- Палагина В. В. Реконструкция исходного состояния вторичного говора (на материале томского говора): дисс. ... д-ра филол. наук (отдельные разделы) // В.В. Палагина: годы и труды: Томск, 2007. С. 25–203.
- Панин Л.Г. О Словаре русской народно-разговорной речи в Сибири XVII – XVIII вв. // Актуальные проблемы русистики: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. юбилею академика МАН ВШ, д-ра филол. наук, профессора О.И. Блиновой / Отв. ред. Т.А. Демешкина. Томск, 2006. Вып. 3: Языковые аспекты регионального существования человека. С. 132–144.
- Пропп В.Я. Русский героический эпос. М., 1958.
- Пропп В.Я. Об историзме русского фольклора и методах его изучения // Русская литература: Уч. записки № 339. Серия филологических наук. Л., 1968. Вып. 72. С. 5–25.
- Пропп В.Я. Специфика фольклора // Фольклор и действительность: Избран. статьи. М., 1976. С. 15–34.
- Пропп В.Я. Сказка. Эпос. Песня. М., 2001.
- Путилов Б.Н. О некоторых проблемах изучения исторической песни // Русский фольклор: материалы и исследования. М.; Л., 1956. Т. 1. С. 63–78.
- Путилов Б.Н. Сборник Кирши Данилова и его место в русской фольклористике // Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / Отв. ред. Д.С. Лихачев. М.; Л., 1958. С. 513–565.
- Путилов Б.Н. Русский историко-песенный фольклор XIII – XVI веков. М.; Л., 1960.
- Сборник Кирши Данилова / Под ред. П.Н. Шеффера. СПб., 1901.
- Скафтымов А.П. Поэтика и генезис былин. Саратов, 1924.
- Сл. РЯ XI – XVII вв. – Словарь русского языка XI – XVII вв. М., 1975 – 2008. Вып. 1–28.
- Соколов Ю.М. Русский фольклор. М., 1941.
- Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского и церковно-славянского языка: В 3 т. СПб., 1893–1912.

- Стернин И.А. Об основных понятиях семантического анализа многозначного слова. Воронеж, 1988.
- Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.
- Тубалова И.В., Эммер Ю.А. Проблемы лексикографирования языка фольклора // Филол. исследования: Сб. статей молодых ученых. Томск, 2000. С. 187–192.
- Ухов П.Д. Из наблюдений над стилем сборника Кириши Данилова // Русский фольклор: Материалы и исследования. М.; Л., 1956. Т. I. С. 97–115.
- Ухов П.Д. Типические места как средство паспортизации былин // Русский фольклор: Материалы и исследования. М.; Л., 1957. Т. II. С. 129–154.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. СПб., 1996.
- Хроленко А.Т. Семантика фольклорного слова. Воронеж, 1992. С. 71–87.
- Черванева В.А., Артеменко Е.Б. Пространство и время в фольклорно-языковой картине мира. Воронеж, 2004.
- Черных П.Я. Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период. М., 1956.
- Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. М., 1994.
- Шипош И. Роль народных песен в исследованиях по исторической диалектологии // IV Международный съезд славистов: материалы дискуссии. М., 1962. Т. 2. С. 398–399.
- Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994.